

Глава 3

Блуждающий хвойный лес

На равнине, поросшей приземистым кустарником, было, честно говоря, всё равно, где устраиваться на ночлег. Фарфаноэрс — а именно так теперь величали юношу Виладуан и Хельзе, прибавляя почтительное «господин Фарфадэ», — шагал вперёд, время от времени касаясь пальцами серой, невзрачной на вид растительности. Он методично заносил в память всплывающие перед глазами названия, как вдруг ощутил ладонью мягкое, пульсирующее тепло. Рефлексы сработали быстрее мысли: он резко дернул руку.

В его пальцах остался стебель с закрученными лентообразными листьями. Память Фарфадэ тут же подсказала ответ: «Огненная орхидея». Это растение Преисподней обладало скверным характером — его алые листья вспыхивали при малейшем контакте с чем-то чужеродным. Орхидея была эгоистична и яростно оберегала свой клочок земли, выжигая дотла всё, что могло гореть, чтобы затем впитать пепел соседей в качестве удобрения. Немногие растения решались селиться рядом, даже если орхидея в отчаянной попытке принести кого-нибудь в жертву изо всех сил тянула свои листья по ветру.

Трение между листьями одного и того же куста пожара не вызывало. Фарфа велел Хельзе и Виладуану собрать сушняка, чтобы соорудить подобие костра.

— И принесите каких-нибудь ягод или грибов, — добавил он, поглядывая на темнеющее небо.
— И те штуки, что похожи на картофель, тоже подберите.

— Господин, простите... а что такое «картофель»? — спросила Хельзе. Виладуан тоже вопросительно приподнял бровь.

«В какую же глухую эпоху вы жили?! Неужели мир был настолько древним?»

Фарфадэ сохранил невозмутимость:

— Плоды, похожие на комья земли. Несите их.

Пока спутники выполняли поручение, юноша стоял на месте, бережно сжимая в руках огненную орхидею. Ощущение было такое, словно он держит грелку; видимо, демонам жар был нипочем. Ночной ветер крепчал, и Фарфадэ пришлось обмотать длинные листья вокруг пальцев, чтобы их не унесло порывом.

«Что-то они задерживаются», — подумал он, откидывая со лба длинную прядь волос.

Рыцарь и дочь мельника, похоже, распределили обязанности: он отправился на поиски ягод и грибов, требовавших долгого сбора, а она собирала хворост. Первой вернулась Хельзе,

Вирадуан отстал от неё лишь на шаг. Когда Фарфадэ бросил орхидею в кучу веток, веселое пламя мгновенно охватило сушняк. Он почувствовал, как его спутники невольно выдохнули с облегчением.

— Так вот чем нужно разжигать огонь... — пробормотал Вирадуан. — Неудивительно, что у меня до сих пор не получалось высечь ни искры.

Фарфадэ не удостоил его ответом. Велев рыцарю следить за костром, он принялся изучать их добычу.

— А это у нас плод-губы-и-зубы, — произнес он, подцепив один из плодов за черешок. Он говорил скорее для себя, чем для других. — Сырым его есть нельзя.

Прежде чем кто-то успел спросить «почему», он поднес ягоду к огню. Округлый плод внезапно лопнул, явив миру алую пасть, усеянную белыми зубами.

Хельзе застыла с раскрытым ртом. Вирадуан, собиравший это «чудо», тоже оцепенел.

Фарфадэ, которому зрелище показалось не менее диким, пришлось изо всех сил держать маску господина:

— Кхм. Это насекомоядное. Но если поджарить, вполне съедобно. Будете?

Желающих не нашлось. Он взял следующий плод:

— Плод-свиной-корм, несъедобно. Пурпурная фасоль — несъедобно. Земляной нарост... его можно запечь. А вот плод-имитатор мёда — это яд...

Юноша придирчиво перебирал припасы, безжалостно отбрасывая в сторону почти половину. Огонь не мог справиться с некоторыми токсинами, так что он велел Вирадуану запечь лишь то, что осталось.

Днем в Преисподней светила лишь одна луна, но света хватало. Можно сказать, что дневные часы здесь были просто сумеречными, зато ночь наступала абсолютная, беспросветная. Контуры предметов едва угадывались — возможно, потому, что после смерти души перестали зависеть от бранных тел. Но страх перед тьмой, казалось, был выжжен в самой сути человеческого духа, и пламя костра — наряду с пищей — было лучшим лекарством в такие минуты.

Пусть еда и выглядела не слишком аппетитно, особенно земляной нарост, который легко было принять за обычный корень с мелкими отростками. При запекании из него сочился сок, капая в угли с едва слышным шипением.

Хельзе сомневалась, стоит ли это пробовать. С её точки зрения, это была «бесовская» еда... Впрочем, тут же одернула она себя, господин Фарфадэ и есть демон!

Но голод был сильнее предубеждений. К тому же земляной нарост в жаре костра внезапно начал источать дивный аромат... Запах напомнил ей мясную лавку в родном городе. Там, за тушами баранины и свинины, обычно стояла чета хозяев. Мясник споро рубил филей, а его хлопотливая жена рядом варила в котелке наваристую, благоухающую похлебку с базиликом и корицей...

Щелчок!

Сучок, лопнувший в огне, вырвал её из забытья. Она снова встретилась взглядом с алыми, почти багровыми глазами Фарфадэ.

— Ешьте, — сказал он. — Земляной нарост при жарке выделяет пары, вызывающие легкие видения. Вы вспомните вкус своего любимого мяса, но знайте: это лишь искусная иллюзия. Это не настоящая плоть.

— Как... чудесно, — прошептала Хельзе. Она с благоговейным трепетом приняла из рук юноши запеченный нарост и откусила кусочек. На вкус это совсем не походило на мясо, но аромат обманывал рецепторы, даря странное удовлетворение.

Виладуан тоже съел свою порцию. Тщательно прожевав, он заключил, что если добавить пряностей, из этого вышло бы изысканное блюдо. Поначалу он хотел предложить первую порцию господину, но демон лишь безучастно махнул рукой: «Я это не ем. Оставьте себе». После этого Фарфадэ умолк, погрузившись в созерцание тьмы, словно пережидая внезапный ливень.

С рассветом он решил вести своих новоиспеченных сотрудников обратно. Всё в Преисподней отличалось от мира живых, и возвращение в замок казалось наиболее безопасным решением. Однако он не мог идти быстро, и это привело к беде, которой никто не ожидал.

Всё произошло в мгновение ока. Знаете, так бывает: на миг отвлекся, сбился с тропы, а когда опомнился — вокруг уже смыкаются ряды исполинских деревьев.

— Проклятье.

Фарфадэ замер, приходя в себя, и тут же напрягся всем телом. Он нахмурился.

— Это блуждающий хвойный лес.

Название говорило само за себя — этот лес постоянно находился в движении. Шорох опадающей хвои напоминал чей-то невнятный шепот. Повсюду высились блуждающие березы,

блуждающие клены и блуждающие пихты.

— Скорее, назад! Иначе нас утянет вместе с чащобой! — скомандовал он.

Но стоило им развернуться, как край леса, до которого, казалось, было рукой подать, стремительно отодвинулся вдаль.

Блуждающий хвойный лес был местом коварным. «Знания» в голове Фарфадэ подсказывали, почему: этот массив неустанно поглощал всё живое на своем пути — искаженных зверей, монстров и заблудшие души. Те, кто не успевал выбраться, оставались пленниками в этом сумрачном, вечно странствующем лесу. Им оставалось либо уживаться друг с другом, либо бесконечно сражаться за существование.

Они попытались дойти до опушки, но с каждым шагом выход становился всё призрачнее. Фарфадэ остановился. В лесу воцарилась мертвая тишина, даже воздух казался ледяным.

В душе он досадовал на себя, но внешне ничем не выдал волнения. Хельзе обернулась к нему, её голос дрожал от напряжения:

— Господин, что же нам делать?

Фарфадэ на мгновение задумался.

— Насколько мне известно, у блуждающего леса как у единого организма есть и другое имя — «Мигрирующий лес». Подобно перелетным птицам, у него есть свои маршруты. А ведут всю эту массу за собой четыре особых дерева — «деревья-авангарды».

Раз есть те, кто идет во главе, должны быть и те, кто замыкает строй. Хельзе и Виладуан с трудом осознавали причудливость местного мира, но Фарфадэ, к своему удивлению, воспринимал это довольно спокойно.

Наверное, в прошлой жизни он слишком много играл в видеоигры, так что никакие игровые условности не могли его смутить. Помолчав, он продолжил:

— Дерево-авангард всегда несется вперед, постоянно меняя направление. Найти его — задача почти невыполнимая. Проще отыскать «дерево-арьергард» и уничтожить его.

Эти деревья служили своего рода входными и выходными дверями леса. Сруби авангард — и вся чаща застынет на месте, пока не выберет нового вожака. Разрушь арьергард — и сможешь вырваться из плена на свободу.

— Понятно. Но как нам узнать эти деревья среди тысяч других? — спросил Виладуан.

«А вот этого я и сам не знаю», — хмуро подумал юноша.

— Идемте, — бросил он вслух. — Если повезет, наткнемся на нужное.

Спорить никто не стал. Фарфадэ продолжал идти, попутно пополняя свой мысленный бестиарий. Видовое разнообразие хвойного леса поражало. Одни деревья, кроме способности перемещаться и отсутствия нужды в солнечном свете, ничем не выделялись. Другие — например, серебряные сосны — заметно отличались от своих земных сородичей. Их стволы и хвоя отливали мягким белым светом, словно были покрыты слоем серебра. Заметив любопытство Вирадуана, Фарфа позволил ему сорвать одну шишку.

Признаться, ему и самому было интересно.

Рыцарь подобрал ветку и, проявив недюжинную ловкость, взобрался на ствол, сбив несколько плодов. Шишки оказались на удивление легкими. После всех чудес, что они уже видели, им казалось, что в этом мире возможно всё, и пара серебряных деревьев — сущая мелочь.

Фарфадэ позволил себе слабую усмешку:

— Обычно их растирают в порошок. Его используют для меток или письма.

Размолоть пару шишек куда дешевле, чем жемчуг...

Он велел Вирадуану прибрать добычу, и отряд двинулся дальше. Им повезло: за всё время они встретили лишь пару плотоядных синиц да одинокого оленя. Остальное пространство занимали лишайники, папоротники, дикие розы и грибные споры. Фарфа объяснял спутникам, что из этого съедобно — точнее, что можно есть после термической обработки. Каждое растение здесь несло в себе яд, точно проклятие, преследующее голодные и ослабленные души.

— На самом деле, даже если бы вы смогли добыть огонь, эти дары принесли бы вам лишь муки: боли в животе, слабость, тошноту. Новичков Загон не признает.

«Загон...» — стоило Фарфадэ произнести это слово, как некая глубинная истина безмолвно открылась ему. Он не успел осознать её до конца, как заметил летящую мимо, пошатывающуюся пчелу ярко-синего цвета.

— За ней! Это кислотоядная пчела, — глаза юноши азартно блеснули. В памяти тут же всплыла информация: эти насекомые питаются исключительно кислыми плодами, отчего и их мед обладает невыносимо едким вкусом. Кислотоядные пчелы живут в симбиозе с блуждающим лесом и обычно строят гнезда на деревьях-авангардах или арьергардах. Благодаря тому, что их дом — это буквально «дверь», они одни из немногих насекомых, способных свободно покидать лес.

Они следовали за синей пчелой мимо вековых пихт и кедров, мимо валунов, окутанных влажным туманом, и поваленных стволов, чья судьба была неведома. Наконец, они вышли к могучему дереву, на котором висел улей.

Это была прямая, как стрела, красная сосна высотой около двадцати метров. Фарфадэ вспомнил, что древесина этой породы идеальна для мебели, а хвоя дает ценные эфирные масла. Впрочем, сейчас было не до этого. Он подавил сожаление о том, что не может забрать всё это богатство с собой, и сосредоточился на главном.

Деревья-арьергарды обычно принадлежали к одной породе. Но даже если это дерево было чуть тоньше остальных, как уничтожить его без топора или меча?

«Может быть, стоит использовать что-то другое...» — размышлял Фарфадэ. Хельзе хотела предложить собрать острых камней и попытаться прорубить ствол, чтобы Вирадуан мог его повалить, но не успела раскрыть рта.

Фарфадэ, поправляя волосы, на мгновение замер. Между пальцами он зажал крохотный красный листок.

Кусочек огненной орхидеи.

«О? Когда это он прицепился?» — удивился он. Упади этот листок на человека или другое растение, он бы давно вызвал пожар, но на теле демона он долгое время вел себя смирно. Если бы он принес эту частицу в замок, последствия могли быть непредсказуемыми.

Зато сейчас...

— Ха, — юноша коротко рассмеялся — едко и заносчиво. В этот миг в нем наконец проглянуло нечто по-настоящему демоническое. — Кажется, мы можем идти.

Он разжал пальцы, и лепесток огненной орхидеи опустился на ствол красной сосны.

Пламя начало свой неистовый пир. Огонь жадно слизывал кору, расплзаясь по стволу и захватывая ветку за веткой. Плотный дым, смешиваясь с холодным воздухом, рождал тот самый знакомый запах, который люди привыкли ассоциировать с домашним очагом. Стоило красной сосне рухнуть, как лесные пути пали. Пленники оказались на свободе, ступив на новую, еще неведомую землю.